

2. Садоўская, А. Л. Старасць у моўнай карціне свету беларусаў / А. Садоўская, Д. Пыхалава // Роднае слова. – 2017. – № 9. – С. 34–38.
3. Садоўская, А. Л. Фразеасемантычнае поле *маладосць/старасць* у беларускай мове / А. Л. Садоўская, Д. П. Сёмуха // Фальклор і сучасная культура : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф., 21–22 крас. 2011 г., Мінск. У 2 ч. – Ч. 1. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2011. – С. 193–194.
4. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 423 с.
5. Завадскі, М. Б. Молодость и межвозрастные отношения в зеркале народной мудрости / М. Б. Завадскі // Философские исследования : сборник научных трудов. – Вып. 7. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – с. 285–295.
6. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii i słowiańskiej zgrupowane w latach 1877–1905. T. IV. Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wmkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Łidy, Wuejki, Swiecian i Oszmiany / M. Federowski – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – 507 с.
7. Носович, И. И. Бѣлорускія пословицы и поговорки / И. Носович // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. I–V. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1852–1856. – С. 34–80.
8. Шпілеўскі, П. “Бѣлорускія пословицы” / П. Шпілеўскі // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. I–V. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1852–1856. – С. 173–192.
9. Валодзіна, Т. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Т. Валодзіна, Л. Салавей. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 482 с.
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М. : Моск. гос. лингвист. ун-т [и др.], 2004. – 800 с.
11. Мількота, Н. Як ўспрымаюць сябе старыя беларусы і як іх саміх успрымае грамадства? (8.11.2019) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://coalition-aging.by/news/jak-sprymajuc-sjabe-i-svaju-rolju-gramadstve-belarusy-va-zrosce-55/>. – Дата доступу : 06.09.2022.

Abstract. The article is focusing on phraseosemantic field of old age in the language image of Belarusians. Major part of phraseological units has a negative connotation connected to the following meanings: unattractiveness, slowness, chattiness, argumentativeness, incompetence, stereotype as unwillingness to change.

Keywords: phraseology, phraseosemantic field, old age, negative connotation, ambivalence.

УДК 811.161.1'363:398.91:821.161.1.*А.С.Пушкин

Н. П. Капшай

ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ ПОСЛОВИЦЫ! ЦЕННОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В ПОНИМАНИИ СМЫСЛА ПУШКИНСКОГО ОБРАЗА *КОНЯ*

Аннотация. В статье на примере слова-образа *конь* доказывается методическая продуктивность соотношения семантики лирических образов Александра Сергеевича Пушкина и русских пословиц. Это позволяет убедительно рассматривать фольклор как один из истоков творческого развития поэта, относиться к пословице как надежному ключу в расшифровке пушкинских лирических текстов, проникнуть в глубинные смыслы в понимании авторской аксиологии.

Ключевые слова: русские пословицы, слово-образ *конь*, фольклор, текст, автор, семантика.

В заглавие статьи вынесены перефразированные, но легко восстанавливаемые в первичном варианте слова Александра Сергеевича Пушкина, содержащиеся в письме брату, которое написано в 1824 году из Михайловского: «Вечером слушаю сказки и

вознаграждаю тем недостатки своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая из них поэма!» [1]. Отношение к жанру народной сказки у Пушкина четко определилось в 20-е годы, в период всеобщего интереса европейских и американских писателей и читателей к произведениям устного народного творчества. В работах известных пушкинистов М. К. Азадовского, Дм. Дм. Благого, Н. Н. Скатова и других исследованы связи Пушкина и народной культуры, указаны фольклорные истоки пушкинской образной системы, поэтического языка, мировоззренческого развития. Начало изучения языка Пушкина в лингвистике положено В. В. Виноградовым, А. Потебней, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным. В разноплановом изучении творчества А. С. Пушкина мы выделили один, на наш взгляд, продуктивный аспект: роль пословиц в понимании лирических творений, осмыслении поэтической образности, авторской идеологии и аксиологии поэта. В достижении цели исследования большую роль сыграли лингвистические труды по изучению паремиологического дискурса: работы В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, Т. Г. Никитиной и других, а также сборники научных статей, посвященных проблемам фразеологии и паремиологии, которые изданы кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.

Влияние пословичной формы и образности на стиль Пушкина очевидно, и выразительным доказательством того являются, например, чеканные афоризмы автора «Евгения Онегина»: «Пришла пора. Она влюбилась», «А счастье было так возможно, так близко», «Мы все глядим в Наполеоны». В них есть изящная форма, глубокий смысл, мнемоническая привлекательность и другие качества русской пословицы.

Цель данной статьи: продемонстрировать значимость русской пословицы в создании авторского образа, доказать методическую продуктивность использования пословиц при раскодировании смыслов пушкинских образов на примере анализа семантики лирического образа *коня*.

Материал апробирован на учебных занятиях с учителями-словесниками, студентами, школьниками. Именно в формате школьных занятий мы решились определить их тему как «Что за прелесть эти пословицы!..», рассчитывая на мотивационный, стимулирующий, мнемонический эффект пушкинского выражения. Фактор читателя-реципиента повлиял на выбор лирических текстов: они входят в школьную программу и содержат ключевое слово-образ *конь*. Выделение образа коня как предмета исследования обусловлено актуальным запросом на формирование ценностных ориентаций обучаемых в опоре на народные традиции, многомерное развитие когнитивной сферы языковой личности, необходимость создания научно обоснованных современных алгоритмов работы со словом, достижения нового качества понимания смысла слова-образа.

На занятиях выдвинута гипотеза. Содержательный, полисемантический, «многозначный» пушкинский образ создается с опорой на образность русской пословицы как компонента устного народного творчества; аксиология автора формируется в корреляции с народной культурой; процесс художественного развития сориентирован на опыт многогранного реального познания жизни народом; обращение к пословице методически вариативно и является продуктивным способом познания.

Идея соотнесения литературного и фольклорного образа возникла при решении занимательной филологической задачи, сформулированной пушкинской строфой из романа «Евгений Онегин», которая включена как автономное произведение в школьную хрестоматию 5 класса: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь. . .». В тексте есть слова: «Вот бежит дворовый мальчик / В салазки *жучку* посадив, / Себя в коня преобразив; / Шалун уж заморозил пальчик: / Ему и грустно и смешно, / А мать грозит ему в окно. . .» [2, с. 84]. Логично возникает вопрос: «В какого коня преобразил себя в воображении дворовый мальчик?» Условие задачи сообщает дополнительную информацию: найти ответ можно, обратившись к широкому культурному контексту, опираясь на уже имеющиеся знания и используя ассоциативный метод мышления (прием игры в ассоциации или выстраивания ассоциативного поля).

В основе решения учебной задачи лежит научное понимание особенностей формирования как фольклорного, так и литературного образов. Процесса, в котором «чисто эмпирическое восприятие осложняется мифологическим переосмыслением этих образов, они испытывают влияние духовной культуры: фольклорных текстов, религиозных представлений... Вследствие этого увеличивается семантический потенциал подобных компонентов, они обрастают дополнительными коннотациями, что часто заменяет их внутреннюю форму» [3, с. 10]. Находясь под воздействием ассоциативной поэтики пушкинского образа и активизируя ассоциативное мышление, читатель актуализирует контекстный материал, воссоздает авторский подтекст. В реконструкции подтекста через контекст становится ясным, что в воображении пушкинского персонажа могут ожить разные образы.

В сознании дворового мальчика может возникнуть одно устойчивое представление, но образы воображаемых коней могут и меняться. Это могут быть мифологические кони Зевса и Аполлона, на которых боги мчатся по свету. Естественно вспоминаются сказочные волшебные кони, которым не страшны никакие препятствия. Богатырские кони русских народных былин, героически сражающиеся против вражеской силы, также могут ожить в воображении ребенка. Дерзкого дворового мальчика мог увлечь конь, на котором восседает Георгий Победоносец, борющийся с драконом (лубочная литература часто издавала подобные иллюстрации). Логично и преобразование в крепкого коня-труженика, на котором держится крестьянское хозяйство.

Правильность ответа проверяется научно обоснованным способом, в интеграции лингвистических и литературоведческих знаний. Важно, что художественный образ является частью словесного текста, основные характеристики которого – связность, единство, целостность. То есть отдельный смысловой компонент целостно вписывается в идейно-тематическое единство произведения. Все выбранные варианты ответов соответствуют общему жизнеутверждающему пафосу произведения и органично подчинены единой идее. Дворовый мальчик в воображении преобразил себя в символического удалого, крепкого, быстрого коня. Как и все действующие лица на общей картине начала русской зимы, он радуется ей, несмотря на холод и мороз, вместе со всеми переживает порыв общего сорадования природному событию, рельефно выразившемуся во всеобщем жизнерадостном движении по зимнему снегу.

Правильность решения филологической задачи проверяется и соотношением семантики литературного и пословичного образа. Корреляция их смыслов, общность окоядерных сем, аргументированно доказывают верность расшифровки образа. Восприятие пушкинским персонажем и самим автором коня сформировалось под воздействием житейского опыта, совпадает с долговременными наблюдениями народа и осознанием им ценности этого животного, символизирующего позитивные волевые качества, силу и крепость, преданность и везучесть. Словарь В. И. Даля зафиксировал следующие пословицы: «Конь мой, конь, ты мой верный друг! Конь мой вся моя надежда. Весело коням, когда скачут по полям. Хорош конь, хорош и детина. Конь до коня, а молодец до молодца. Добрый конь не без седока (не без корму)» [4].

Выборка пословиц и их семантическое осмысление подтверждает правильность раскодирования семантики образа коня в пушкинском тексте. Кроме того, в соотношении пословичного и авторского представлений раскрывается близость идейно-аксиологического содержания фольклорного и литературного образов, что свидетельствует об органической связи индивидуально-авторского и национального опыта духовного познания.

Стихотворение «Зимнее утро» содержит два слова, важных для понимания пушкинской типологии образа коня. Соседствующие строки «Не пора ли в санки кобылку бурую запрячь» и «Предадимся бегу нетерпеливого коня» соединяют и интенционально разводят два слова-образа: *кобылка* и *конь*. Отличие их значений подчеркивается неожиданной метаморфозой, то есть фабульным превращением особи женского пола в мужскую. В пространственном текстовом сближении образов особенно значима сема,

дифференцирующая слова. В выражении *кобылку бурюю запрячь* в контексте строфы актуализируется значение принадлежности этого животного к сфере домашнего быта. *Конь* нетерпеливо рвется на волю за пределы домашнего пространства.

В художественном изображении «нетерпеливого коня» доминирует значение «быть необузданным, своевольным, самостоятельным». Оно присуще семантике пословиц, данных словарем В. И. Даля: «Он ходит конь конем, здоров, бодр. Конь копытом сдачи дает. Добр конь, да копыта отряхивает. Счастливый на коне, несчастный пеш (или под конем) [4]. Художественный прием олицетворения, формируемый на основе переноса поведения и состояния человека на животное, в сочетании с описанием действий лирического героя, обозначенного возвратным глаголом *предадимся*, не только придает человекоподобные качества коню, но и показывает зависимость наездника от его норова.

В эпитете *нетерпеливый* есть значение «стремящийся вперед, трудно управляемый». Широкий контекст фольклорных жанров – поговорок, песен, былин – постоянно подмечает в коне способность преодолеть наступающие перемены, предсказывать своим поведением опасность, предупреждая хозяина о возможных переменах. Примечательно, что эта семантика имманентно присутствует в стихотворении «Зимнее утро», главной темой которого является чудесное преображение природы и человека.

Расшифровка образа «нетерпеливого коня» помогает реконструировать глубинные подтекстовые смыслы. В нем заложена семантическая двусмысленность. С одной стороны, нетерпеливый конь – это реалья жизни лирического героя, относящаяся к сфере быта. На нем действительно можно совершить «побег» в реальное пространство, где вполне реальна встреча с зимней природой. С другой стороны, пространственная проекция путешествия далеко выходит за возможности реального перемещения героя, на что указывает выражение «берег милый для меня». Это – игра воображения, аллюзия, биографическое вспоминание самого автора о пребывании в южной ссылке. Таким образом семантика значительно расширяется. Конь, на котором в воображении уже мчится поэт, – это волшебный конь Пегаса. На крыльях Пегаса, оседлав Пегаса, действительно можно умчаться в далекие края, где остались любимые люди.

В русских пословицах нами не обнаружен образ коня с семами «спутник творческого вдохновения, друг поэта». Однако в русской паремике есть пословицы, в которых подмечена причастность коня небесной божественной сфере: «Не конь везет, Бог несет. Конь не выдаст, и враг не съест. Помилуй (вынеси), Господь, коня и меня! Конь под нами, а Бог над нами [4]. В русских пословицах отражена также народная вера в причастность коней высшим силам, дарующим способность тонкого чутья: «Кони ржут – к добру. Конь воина обнюхивает – быть убитым. ...Лошадь храпит – к ненастью; Лошадь фыркает – к дождю [4].

Семантическая близость пословиц и авторского образа раскрывает обоснованность (соответственно имманентным качествам – чуткости, близости к природе) превращения в воображении поэта русского коня в мифологического Пегаса.

В аналитическом проникновении в смысловые потоки лирического текста русские пословицы с большей вероятностью помогают удостовериться в объективности понимания авторской мысли. Органическое взаимодействие в одном поэтическом образе значений, выработанных разными культурами, показательное. Оно свидетельствует о близости национального начала и культурного универсума. Поэтика русского гения развивается, впитывая самобытность национальной культуры и осваивая огромный опыт мировой культуры.

Методологическая стратегия соотношения семантики авторского и пословичного образов продуктивна и в исследовании стихотворения А. С. Пушкина «Бесы». В нем образ коней сквозной, определяет смысловой центр лирического повествования и дает ключ к разгадке идейного содержания.

В «Бесах» вехи движения тройки ямщика, завязавшегося противоборства в ночном пути с разными бесами показаны в поведении коней, которое обозначено следую-

щим образом: «Коням, барин, тяжело» – «В овраг толкает одичалого коня» – «Кони стали...» – «Кони чуткие храпят» – «Кони снова понеслись». Кульминационный момент выражен коротким нераспространенным предложением: «Кони стали...» Остановка коней осознается в соотношении смысла происходящего и того богатого, наполненного мистическим содержанием опыта, что закреплён в народном мифологическом сознании. Его носители стереотипно связывают коня с представлением о могучей силе, возможностью преодолеть самые сложные препятствия и победой седока, наездника. Конь настолько сильное животное, что способно противостоять нечистой силе.

В русском фольклоре широко отображено представление об участии коней в борьбе с нечистой силой. Смысл эпизода с остановкой коней на этом фоне может быть истолкован как поражение, полный упадок физических сил, покорность вражеской нечисти. «Кони стали...» – значит, прекратилось движение, прервано сопротивление, возможна катастрофа на пути в достижении цели. Стереотип мощи коня разрушается.

В пушкинском образе коней в «Бесах» далее появляются важные коннотации, конкретизирующее стереотипное народное толкование. Перемена в движении – «Кони снова понеслись» – наступает после звукового триггера, которым выступает спокойный голос поэта-барина: «Что там в поле?». В борьбе сил зла, «бесов разных», за душу поэта, именно он оказался победителем. Движение началось снова, потому что не поддавшись действию бесов именно человек. Расшифровка семантики ключевого образа коня с помощью пословичного наследия позволяет понять трудно постигаемый идейный смысл всего стихотворения-метафоры, идейный центр которого формирует концепт *пути* (жизненного и творческого), а идею составляет мысль об определяющей роли волевого личностного начала в судьбе поэта, подверженного воздействию бесовских сил.

«Что за прелесть эти русские пословицы» – заглавие статьи точно передает ценность, актуальность, познавательный потенциал народных мыслей, выраженных в русских пословицах, которые формировали мировоззрение и поэтический стиль великого русского поэта и сегодня развивают мыслительные способности читателя.

Список использованных источников

1. Пушкин, А. С. Письма Пушкину Л. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2636680-kak-ponjat-slova-pushkina-chto-za-prelest-eti-skazki-kazhdaja-est-poema.html> – Дата доступа : 25.10.2022.
2. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Сочинения : в 3-х томах. – Т. 3. – М. : Худ. лит., 1974. – С. 7–180.
3. Володина, Т. В. Русские сравнения в зеркале белорусских (опыт большого словаря) / Т. В. Володина, В. М. Мокиенко // Русско-белорусский словарь сравнений. – Минск : «Беларуская навука», 2018. – 811 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в. 4 т. – Т. 2: И–О / В. И. Даль. – Спб.-М., 1881.– 807 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikisource.org/wiki>. – Дата доступа : 22.10.22.

Abstract. Using the example of the word-image horse, the methodological productivity of the correlation between the semantics of the images of Alexander Sergeevich Pushkin and russian proverbs is proved in the article. It makes possible to convincingly consider folklore as one of the sources of the poet's creative development, to treat the proverb as a reliable key in deciphering Pushkin's lyrical texts, to penetrate into the deeper meanings in the understanding of the author's axiology.

Keywords: russian proverbs, word-image horse, folklore, text, author, semantics.